

Еврейское местечко Каушаны, Бессарабия.

При румынской власти, до 28 июня 1940 года
До начала войны, до 22 июня 1941 года
После войны

Находясь в Америке, в нескольких тысячах километрах от описываемых мест, разделённый океаном, а главное - временем более чем шестидесяти долгих лет, я постараюсь описать жизнь и быт в еврейском местечке Каушаны, что находилось в Румынии, когда я родился. В 1940 Россия забрала эти земли себе, через год Германия-Румыния оккупируют Бессарабию, а в 1944 русские армии отбирают территорию назад. После войны эти земли входят в Молдавскую республику в составе СССР, И наконец, в начале 90х годов здесь образовалась независимая Республика Молдова.

Я, Спивак Исаак Львович, по еврейски и домашнему – Изя, хочу вспомнить и описать события происходящие со мной и с моей семьёй.

Местечко Каушаны расположено было в 28 км от уездного города Бендеры «по румынски Tighina». Через всё местечко проходили многочисленные дороги. Первая вела в Бендеры, вторая в направлении Волонтировки и далее на Рени-Галац, третья на Чимишлию-Кишинёв, четвёртая на Талмаз и Чадыр-Лунгу. Так что получался четырёхугольный перекрёсток дорог во все направления Бессарабии-Румынии. Эти дороги в начале 30х годов 20 века были не мощеными, но на моей памяти их стали покрывать камнем, и в 39 году через Каушаны проходили, можно сказать, первые шоссейные дороги, некоторые даже асфальтированные, с небольшим тротуаром по бокам и сливом для воды в дождливую погоду. Погода и, особенно, состояние дорог влияли на жизнь в городке и также на нас, детей. Мы-мальчики знали, что в дождливую погоду не дойдёшь до школы без бот или калош. Вообще, калоши считались традиционной обувью у евреев тех лет в Каушанах.

О точном числе жителей нашего местечка писать затрудняюсь. На мой взгляд, еврейское население состояло из нескольких сот семей, а если считать с детьми, то видимо число евреев доходило до тысячи. У нас жили также молдоване, румыны, цыгане и гагаузы. Могу сказать, что на моей памяти не было особых конфликтов между разными национальностями, также не помню антисемитских настроений со стороны правительственных чиновников. Те конфликты, что были на базаре между евреями и молдованами при продаже и покупке, в серьёз можно не принимать. Иногда услышишь на базаре речь: «Ты, жидуля, что хочешь всё даром?» - воспринималось как лаское обращение к еврею. О наших базарах я напишу подробнее ниже.

Вдоль дорог, уже упомянутых мной, стояли дворы с домами и квартирами. Дома эти были одноэтажные, многие строились с расчётом, чтоб иметь квартиры для своих детей, когда они вырастут. Таким образом, двор получался семейным.

Вот как, например, выглядел двор, где я жил. Впереди был дом моего дедушки. Он состоял из трёх комнат, коридора и кухни. Около дома росли четыре прекрасных дерева, и около них стояла скамейка, на которой мы любили сидеть с друзьями. На окнах дома были деревянные ставни, которые закрывались и запирались на ночь на крючки. Во двор вели ворота и маленькая калитка для входа. Наш дом стоял на возвышении. У нас были две комнаты, коридор и кухня. Кроме нас во дворе жил ещё брат отца - Яша Спивак, в квартире аналогичной нашей, а также была ещё одна квартира, которую мы сдавали в наём. По одну сторону двора стояли небольшие сараи, где хранили дрова и кукурузные початки для топки квартир зимой. Отмечу, что до конца 1939 года, электричества в Каушанах не было, и мы пользовались керосиновыми лампами для освещения, и примусом для приготовления еды, хотя у нас были плиты тоже.

В каждом еврейском дворе был погреб для хранения овощей, фруктов и бочек с хорошим молдавским вином. Мой дед предпочитал вино «Алиготе». Дед торговал зерном, поэтому у нас во дворе был большой амбар, где зерно сушили перед отправкой покупателям. Мы не были богатыми. Состоятельные евреи обязательно имели лошадей. Когда по местечку проезжал Бука Коган, все любовались его красавцами серыми лошадьми, никто не мог оторвать глаз от них.

В период, который я описываю, мне было 10 – 12 лет, и я ходил в школу. У нас было две школы и одна гимназия, которая правда в конце 39 года закрылась. В школе обучение велось только на румынском языке. В каждом классе, на видном месте, висела табличка «говорить только по румынски». У меня в классе преподаватель был румын, и мы его постоянно боялись. Хотя учеников было больше евреев, мы старались не говорить по еврейски, чтобы не угодить в угол-на колени или не получить палкой по рукам. Обучали нас чистописанию, арифметике, рисованию, труду, где помню мы мастерили маленькие табуретки, делали разные предметы своими руками. В хорошую погоду учитель выводил класс на природу, рассказывал об окружающей местности, растительности. Обычно занятия длились 45 минут, а на переменах мы выбегали во двор, играли в игры. Обучались в школе совместно мальчики и девочки.

Дома у нас разговорный язык был идиш. Кроме школы я ещё некоторое время ходил в хедер, где нас обучали еврейскому языку, учили читать и писать, и при том помню нас заставляли много раз повторять и заучивать одни и те же слова. В хедере мы также изучали еврейскую историю. К большому моему сожалению, я полностью забыл как читать и писать на идиш, правда понимаю и могу ещё говорить. Моя дочь уже даже не понимает по еврейски, но сын в Израиле, конечно же, владеет ивритом.

В Каушанах было множество разных магазинов: мануфактурные, бакалейные, мясные, обувные, одежные и другие. Позже я опишу работу одного мануфактурного магазина, где работал мой отец. Также везде были всевозможные мастерские: сапожные, шапочные, шорные, слесарные, жестяные, столярно-плотницкие, кузнечные. Также у нас в местечке были почта, клуб, спортивный зал, аптеки, больница, железнодорожная станция, а также пекарни, шинкарни, кафетерии и фотографии. Вспоминать обо всём этом очень приятно. Мы, мальчики знали всех продавцов в лицо. Часто покупали разные вещи, особенно любили сладости, и видели как продавцы были довольны при покупке их товара.

Свободного времени у нас было предостаточно, и мы с ребятами летом ходили купаться на речку под названием Ботна. Глубокой осенью и зимой речки почти не было видно, а весной, после таяния снега, речка разливалась, и иногда даже затоплила дома возле реки. Вода в реке была мутная, но кто это замечал! Мы купались, учились плавать, загорали и уж порядком усталые, все вымазанные, возвращались в свои дома поесть, приготовить уроки. Наши преподаватели задавали нам ежедневно домашние задания, довольно тщательно их проверяли и наказывали тех, кто не делал уроки.

Напишу немного о мануфактурном магазине. Их, почему-то, было очень много у нас. Видимо, евреи не покупали готовые костюмы, платья, а шили их из различных материалов, которые были на любой вкус.

Магазин назывался «Сочетата КОК», где КОК – первые буквы трёх хозяев этого предприятия: Коган, Опачевский, Керцман. Магазин был достаточно вместительным, в него вели две широкие двери. По окружности были стелажы со всевозможными тканями и другой мануфактурой. Можно было купить ткани на платье, костюм, плащ или пальто. Там продавали шёлк и шерсть, одноцветные и многоцветные ткани всевозможных оттенков. Везде вывески на румынском языке. Здесь работали 8-9 приказчиков, евреев, среди них Аврум Блитштейн, Яков Очаковский, Миля Пресман и другие. В базарный день в магазин набивались 30-40 покупателей. Мой отец - Лёва Спивак сидел на возвышении и наблюдал за торговлей. Приказчик получив заказ, измерял материал и выписывал какого и сколько материала отрезано, а отец вычислял сумму и принимал деньги. Таким образом, моей отец, приказчики и хозяева работали весь день, следили, чтоб не было потерь, воровства, которые иногда случались. В конце рабочего дня подбивался баланс, деньги относились в банк, проверялись остатки, и перед закрытием магазина в пятницу рассчитывались с приказчиками и печатавали магазин. В субботу все магазины местечка не работали.

Коль я упомянул о пятнице, надо отметить, что это был очень радостный день. Евреи, работающие у хозяев, получали свою зарплату. Также в пятницу евреи ходили в парикмахерские. Это было вроде ритуала – каждый ходил к своему парикмахеру, естественно, сидели в очереди, узнавали последние события, разговаривали. Помню, какой там стоял шум – евреи любят поговорить и часто все

сразу. Наконец после стрижки и бритья все довольные возвращались по своим домам встречать Субботу.

Пятница была и тяжёлым днём в еврейской семье. Моя бабушка вставала в этот день очень рано, пекла хлеб, варила обед, убирала дом и уж потом, сама умывшись, ждала деда с синагоги. Дед был «Гобе» - Габбай в самой большой синагоге Каушан. Он был глубоко верующим и, как многие евреи в то время, носил прекрасную бороду. Почти все евреи ходили в синагогу в субботу. Даже те, кто не ходил регулярно, в еврейские праздники обязательно посещали синагогу. Синагог было несколько, и многие имели свои места в синагогах. В нашей синагоге кантор был Сёма Клейман. Его приятный и звонкий голос трогал сердца молящихся, особенно, когда он исполнял Кол Нидрей на Йом Кипур. Иногда на праздники синагога была так полна, что мы, мальчишки, слушали кантора на улице. Многие евреи выходили в талесах на улицу в перерыве между молитвами. Я не помню ни одного случая осквернения синагог или кладбища, пока мы жили в Каушанах.

Воскресенье был базарный день. В этот день все женщины ходили покупать кур, мясо, овощи и фрукты. Все евреи-мастеровые ждали своих заказчиков, чтоб отдать изготовленные ими изделия - костюмы и платья, обувь, изделия из дерева и железа, фотографии и множество другого. В базарный день люди были обычно с деньгами и не прочь к концу дня зайти в шинкарню и выпить стаканчик хорошего вина.

Хочу вспомнить про моего дядю Шмиля Спивака - плотника и столяра, как он работал в базарный день. Молдаване, румыны и цыгане занимались в те годы строительством домов в сёлах и довольно часто заказывали окна, двери, заборы, полы в столярно-плотницких мастерских. Я часто заходил к дяде в мастерскую и видел как он принимал заказы. Заказывать часто приходили семьями – муж с женой, иногда и старшие дети. Заходит такая семья к нему, первым делом дядя спрашивает покупателей как дела, как жизнь. Не спеша ждёт ответ, приглашает присесть на табуретки. Только после этого спрашивает, что они желают заказать. Обычно молдаване и румыны приносили некоторые чертежи-наброски и обговаривали их с мастером. Уточнив размеры изделия, дядя в уме тут-же подсчитывал сколько нужно будет досок для изготовления, и зная цену на кубометры таких досок на главном складе говорил клиентам примерную стоимость материалов и также сколько он хочет за свою работу. Всё происходит не спеша, заказчик советуется со своей женой. Тут возможны некоторые торги, и придя к согласию, заказчик обычно давал задаток 25% от стоимости заказа. Далее уточнялись сроки, необходимые поездки на склад за материалом и прочее. Бывало, что одновременно дядины помощники выдавали заказ другим клиентам, люди платили и дяде нужно было иметь сноровку следить, чтоб не оказаться обманутыми, особенно когда имели дела с цыганами. К слову отмечу, что дядя Шмиль Спивак иммигрировал в Израиль в 1972 году. Будучи в старческом возрасте, он мастерил те же столярные изделия для арабов и евреев в своём городе Акко. Мы встречали дядю Шмиля в Израиле. Он с гордостью показывал мне свою израильскую мастерскую со всевозможными станками и приспособлениями. Он работал до последних дней своей жизни и скончался в возрасте 97 лет.

Мужчины евреи работали по воскресеньям не покладая рук в мастерских, в магазинах, а женщины торговались на базаре. Базар бы огромный. В основном продавцы были румыны, молдоване и цыгане, а покупатели - евреи. Торговля проходила очень оживлённо, стоял разноязычный гвалт. Особенно было интересно наблюдать, как еврейская женщина выбирала себе жирную курицу на праздничный бульон. По рядам проходили сборщики налогов, которые также наблюдали, чтоб не возникало скандалов. В этой толпе мы, мальчишки, покупали себе фрукты и особенно орехи, которые нам нужны были для игр.

В воскресенье можно было также пойти в кинотеатр, смотрели немые и звуковые фильмы. Большинство фильмов были на иностранных языках, но обязательно с субтитрами на румынском. Все государственные учреждения: суд, премерия-городские власти, почта в воскресенье не работали. В местечке была больница, где все врачи были евреями, а другой медицинский персонал молдоване и евреи. Обычно врача вызывали на дом, но они также имели кабинеты для приёма больных. Отмечу, что оплата врача и лекарств были очень дорогие, и не каждый бедный еврей мог оплатить врачебный приём.

У нас также был довольно вместительный спортивный зал «Макаби». Там, я помню, были спортивные снаряды: брусья, перекладина, кольца, шведская стенка. В зале занимались всевозможные спортивные секции. Старшая группа юношей 18-20 лет играла в футбольной команде с тем же названием «Макаби». Рядом был стадион, где проходили футбольные матчи. Болельщиков на стадионе собиралась масса и, в основном, все евреи. Мы, дети, смотрели все матчи бесплатно.

В спортивном зале также проходили концерты. Один, который проходил летом 1939 года, я хорошо запомнил. К нам в Каушаны приехала выступать одна из самых талантливых певиц Сиди Таль, чудесная Джина Злата и Яков Гольман. Евреи на концерт шли нарядно одетые, это был для людей праздник, многие несли цветы. Сиди Таль пела на идиш, румынском, французском и русском языках. После каждой песни были многочисленные овации. Сиди Таль не только пела, но и читала из разных произведений на идиш и румынском. Люди разных возрастов смеялись и радовались услышанному. Великолепный баритон Якова Гольмана был слышен на улице, где обычно собиралась толпа людей не попавших на концерт. Уже в пятидесятые годы в Черновцах на Украине я много раз слышал концерты Сиди Таль. На черновицком кладбище, где похоронена эта замечательная артистка, ей стоит памятник из белого мрамора, где она изображена в полный рост, в белом платье, и на подножье высечены стихи на идиш и русском.

Опишу как у нас проходили еврейские свадьбы. Обычно на свадьбы собиралась вся мишпуха, от близкой родни до самых далёких родственников. Так, например, семей с фамилией Спивак в Каушанах было 15-20 и, как видно, все родственники. На свадьбы могли собраться от 100 до 200 человек. Готовились такие торжества две-три недели. Пекли торты, баклаву и многое другое. Обычно свадьбы организовывали во дворах, иногда в домах. Гости приходили хорошо одетые и

разнаряженные музыканты-клезмеры играли им туш. Все гости шли с подарками, аккуратно завернутыми цветами. Сама церемония свадьбы с Ребе начиналась, когда молодожёны входили под хупу. Ребе читал молитву, молодые ходили вокруг. Дальше Ребе представлял родителей жениха и невесты.

Политическая жизнь нашего местечка начиналась когда проходили какие-то выборы. Предвыборные агитационные собрания проходили оживлённо. В них принимали участие многие руководители румын, директор школы, представители суда, иногда полицейские. Евреи в большинстве голосовали за либералов. Но представители демократов также вели агитацию среди евреев. Некоторые евреи приходили на такие собрания после тяжёлой работы и просто отдыхали или даже спали на них. К концу 1939 года в Румынии пришла к власти профашистская и прогерманская партия «Куза Вода». В связи с этими событиями в стране, и также зная, что немцы в первую очередь раправляются с евреями, в синагогах обсуждались эти новости. В один осенний день 1939, со стороны села Заим появилась подвода лошадей с молодчиками в коричневых рубашках со свастикой. Сначала евреи не обратили на это никакого внимания, пока фашиствующие молодчики не стали бить стёкла в еврейских магазинах. Полицейских, как обычно, не оказалось поблизости. Начался шум и гам, и только когда все евреи вышли на помощь, удалось отогнать молодчиков. Это провокация обсуждалась повсеместно и было решено организовать дружину самообороны. На следующий день коричне-рубашечники опять появились в местечке, но как только те добрались до центра, наши дружинники появились на лошадях с нагайками и здорово побили фашистов. Те в считанные минуты убежали и больше таких поездок не совершали. Фашистская партия в Румынии вскоре у власти была заменена, видимо после того, как Советский Союз объявил ультиматум Румынии. К лету 1940 года обстановка опять усложнилась. Появились военные подразделения и возле церкви поставили пулемёт с постоянными дежурствами солдат. Многие евреи уже знали из радио передач, что румынская армия и румынская администрация должна оставить Бессарабию, и что скоро русские придут. Румыны уезжали на лошадях или автомобилях в направлении Рени-Галац. Эвакуировались учреждения, армия, также богатые румыны.

В своём описании я пока остановился на румынском периоде. Далее читайте, что стало с Каушанами, когда Красная Армия «освободила» нас от румынского ига.

После отступления румынской армии и администрации в Каушанах день-два не было никакой власти. Молодые еврейские юноши, коммунистически настроенные, готовили лозунги, красные флаги для встречи Красной Армии. 28 июня 1940 года со стороны железнодорожной станции и по дороге со стороны Бендер появились первые колонны солдат. На машинах в основном сидели пехотинцы в пилотках и касках с винтовками и другим снаряжением. Дальше появились и артеллерийские пушки и колонны конницы. Колонны проходили медленно, и мы часто взбирались на подножки машин и давали солдатам холодной колодезной воды, фрукты. Они взамен давали нам какие-то монеты, которых мы никогда раньше не видели. Через несколько дней в местечке был организован сельсовет, что означало Советскую

власть. В течение нескольких дней наши каушанские евреи пооткрывали свои большие и малые магазины, и всё полностью было распродано. Была установлена цена на один рубль 40 лей, что, видимо, было сущим грабительством. К магазинам подъезжали военные машины и скупали мануфактуру рулонами, всех цветов и любых материалов. У них были рубли, и наша продукция стоила копейки. После этого наши местечковые евреи почти все остались без работы.

Пожалуй одним из первых указов сельсовета было закрытие всех синагог и категорическое запрещение молитв. Можно себе представить, что это означало для верующих евреев. Мой покойный дед стал молиться дома при закрытых дверях, окнах и с закрытыми ставнями. Торговля вся улетучилась и недостаток продуктов питания сильно чувствовался. Многие голодали. Когда власти открыли первый хлебный магазин, хлеб был такого качества, что в рот не возьмёшь. Почти все евреи начали печь свой хлеб.

Большая проблема для нас был русский язык. Нам в семье повезло – мой отец отлично владел русским языком, умел каллиграфически писать, хорошо читал. Только благодаря ему, в течении двух месяцев я научился читать и писать по русски. Покойная мама тоже знала русский, и мы старались дома говорить по русски вместо идиш. 1 сентября 1940 года, когда начались занятия в школе, я уже писал и читал по-русски много лучше своих сверстников. Я пошёл в 5 класс. Занятия вели вновь прибывшие русские учителя. Нам в начале было очень интересно. Всё новое, и учителя, и предметы. До этого у меня преподавал один учитель, а здесь разные учителя по русскому языку и литературе, математике, географии, ботанике и зоологии. В школе появлялись различные кружки по интересам. Нам это очень нравилось. Налаживалась спортивная жизнь. Класс на класс играли в футбол, волейбол, шашки и шахматы.

Мой отец по профессии бухгалтер довольно быстро устроился на работу в контору под названием «Яйце-птице-пром». Начали появляться организации, где по-немногу устраивались евреи. Но многие всё же не могли найти работу. Медицинского обслуживания не было организовано сразу, поэтому некоторые старые и больные люди умирали.

Базарные дни остались прежними, но сборщиков налогов было вдвое больше. Поначалу военные передвижки нам показывали фильмы, затем фильмы стали показывать в кинотеатрах. Мы, мальчишки, с интересом ходили смотреть русские фильмы. Открылись много книжных магазинов, которые мы очень любили посещать. В это время начали работать радио узлы, проводили радио в домах. Одновременно появилось электричество в домах, светлее стало на улицах и мы больше гуляли. Замечу, что этот период был очень короткий и нам, молодым, казалось всё очень интересным. С появлением у евреев радио события обсуждались в общественных местах, особенно в открывшихся государственных парикмахерских, где уже работал не один мастер, а несколько.

Вспоминается одно страшное утро этого предвоенного времени, когда евреи узнали, что из Каушан выслали в Сибирь все наших “богачей”. Среди высланных были и наши знакомые, хозяева мануфактурного магазина, Керцман и Опачевский. Уже как-то после войны, встречая в Кишинёве господина Керцмана, он рассказывал, как работники КГБ ворвались в дом, дали на сборы 4 часа и дальше в закрытых машинах отправили на железнодорожную станцию. Там уже поджидали товарные вагоны-теплушки. В вагон набивали больше 50-ти человек. Напарник по работе – Опачевский, так и не доехал до Сибири, он скончался в вагоне. Дома этих людей отбирали, оставшуюся мебель, подводы и лошадей, всё из дворов увозили в неизвестном направлении. Отмечу также, что к этому времени многие наши евреи уезжали из Каушан и селились в Бендерах или даже в Кишинёве.

В нашей семье осенью 1940 года от тяжёлой болезни скончалась моя мама. После некоторого времени отец стал встречаться с бывшей хозяйкой магазина, госпожой Хонной Коган. Она имела двоих детей, и нас было двое. Они расписались незадолго до событий я описал выше, когда выселяли “богачей”. Так мой отец спас их семью от выселения в далёкую Сибирь.

Зимой и весной 1941 года время было очень тревожное. Чувствовалось приближение войны. И когда 22 июня 1941 мы проснулись от гула самолётов, все поняли - началась война. В начальный период проводилась мобилизация - ребят тут-же одевали в военную форму и отправляли на фронт. Призванных в армию в начале войны я больше никогда не встречал. Все они погибли в первых же боях. Самолёты с фашистскими знаками летели над нами довольно низко, и мы иногда могли видеть улыбающихся пилотов. Так как никаких объектов у нас не было, в нас и не стреляли и не кидали бомб. Обычно самолёты летели в направлении Бендеры-Тирасполь.

В начале июля мы начали готовиться к эвакуации. В сельском совете нам выдали документы и также предоставили подводу запряжённую старыми волами, и 15 июля мы отправились по дороге на Бендеры. Мы ехали по обочине дороги, так как Красная Армия отступала и по шоссе постоянно двигались войска и машины. Уже на следующий день мы были в Тирасполе. Город был разрушен. Немцы бомбили Тирасполь регулярно по 2 раза в день - около 12-ти и 4-х часов. Мы отсиживались в небольшом бомбоубежище, которое спасало лишь от осколков.

Описание тягот военного времени и лишений эвакуации, о том как мы ехали в эвакуацию, как жили в Казахстане и Узбекистане - эта тема других заметок. В 1943 году от голода скончались мои дед и бабушка. Они похоронены в одной могиле в далёком Казахстане.

Мы остались живы несмотря ни на что. Закончилась война, и все евреи собираются ехать в свои родные края. Уже в сентябре 1945 года мы оказываемся в Кишинёве. Но мы решили поехать посмотреть, что стало с нашим местечком Каушаны. Большинство домов, где жили еврейские семьи были разрушены. Но разрушения этих домов показалось нам странным. Не видно было воронок от бомб

или снарядов, а просто стены стояли до основания оголёнными. Было впечатление, что дома разрушались местными молдованами и цыганами. Даже замечательные большие деревья пред нашим домом были спилены до основания и ушли видимо, в топку печей. После войны съехались в Каушаны несколько десятков еврейских семей, но вскоре и они покинули местечко, так как не было работы и евреи не могли спокойно смотреть на то, что случилось с нашими Каушанами. Моя мать похоронена в Каушанах, и я изредка навещался на её могилу. Но постепенно еврейского кладбище не стало. Молдаване построили себе на том месте двух-этажные каменные дома.

В итоге скажу, что нет больше еврейского местечка Каушаны. Нет там более еврейских жителей, не слышна больше на улицах еврейская речь, на рынке не спорят больше евреи, никто не поёт еврейские песни. Не найдёте теперь еврейских местечек ни в Бессарабии, ни на Украине, ни в Польше.

Исаак (Изя) Спивак, Февраль 2003, Сиэтл, штат Вашингтон

Copyright © 2008, Yefim Kogan